

Владимир Положенцев

Ловушка для Махно

Любовь, предательство, героизм времен
Гражданской войны

Владимир Положенцев

**Ловушка для Махно. Любовь,
предательство, героизм
времен Гражданской войны**

«Издательские решения»

Положенцев В.

Ловушка для Махно. Любовь, предательство, героизм времен
Гражданской войны / В. Положенцев — «Издательские
решения»,

ISBN 978-5-44-937940-5

Особые операции бойцов Добровольческой армии: ротмистра Петра Бекасова
и атамана отдельной летучей бригады Анны Белоглазовой по прозвищу
Белая бестия. По мотивам воспоминаний офицеров-добровольцев, генерала
А. И. Деникина, барона П. Н. Врангеля, командующего Революционно-
повстанческой армией Украины Н. И. Махно.

ISBN 978-5-44-937940-5

© Положенцев В.
© Издательские решения

Содержание

Белая бестия	6
Особое задание ротмистра Бекасова	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ловушка для Махно Любовь, предательство, героизм времен Гражданской войны

Владимир Положенцев

© Владимир Положенцев, 2018

ISBN 978-5-4493-7940-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Белая бестия

В закатный час, когда на тихой воде реки Ея появились отраженные от облаков багровые узоры, на высокий берег выехали два всадника. Один в кавалерийской серой шинели с винтовкой на плече, другой в оливковой казачьей бекеше, с деревянной кобурой для Маузера на поясе. За его широким ремнем – две гранаты Рдудтовского. Утомленные кони, в предчувствии водопоя, широко раздули ноздри, выкатили налитые кровью глаза, забили копытами. Верховой в бекеше с черной окантовкой, похлопал своего донского жеребца по гривастой шее:

– Тихо, Смелый, не егози, не люблю.

Конь сразу понял хозяина, присмирел. Всадник сорвал с головы высокую папаху, встряхнул головой.

На плечи упали роскошные светло-желтые, почти белые волосы. Это была молодая женщина лет двадцати, не больше. Синие глаза в оправе густых бровей, небольшой нос с несколько широкими, чувственными ноздрями, яркие, будто нарисованные красной акварелью тонкие губы маленького рта. Такие губы обычно созданы для нежных поцелуев. Родинка-мушка на правой щеке. Но миловидная внешность была обманчива. Если приглядеться, становилось понятно, что эта юная дама знает себе цену и не готова размениваться по мелочам. А уж поцелуи дарит далеко не каждому. В ней было что-то очень холодное, неприступное. Дотронешься и тут же ощутишь ледяное дыхание Снежной королевы. Улавливалась огромная, тяжелая энергия. Только тот кто сильнее, достоин её внимания.

– Гляди, Анна, – обратился второй наездник к юной даме, указывая кнутом за реку, – хуторок заброшенный у холма. В пол версте от него станица.

Он достал из внутреннего кармана массивный серебряный портсигар, закурил. Поправил кобур с американским Кольтом М1911. Недавно союзники прислали в качестве военной помощи несколько таких пистолетов.

– Вижу, ротмистр, – кивнула Анна.

Тот ухмыльнулся:

– Сколько вместе, а ты меня ни разу по имени не назвала. Или «ротмистр» или «господин Бекасов».

Девушка вздохнула, взяла мужчину за рукав шинели:

– Мы же с тобой давно все выяснили... Петя. Ха-ха. Тебе в Добровольческой армии женщин мало? Почти сто медсестер и целая рота из выпускниц Александровского училища. Чем тебе Зина Готгард из артиллерийской бригады не мила? А вольноопределяющаяся Валя Лозовская? Не девицы, сказка. Была б мужиком, сама за ними приударила.

– Анята...

– А княжна Черкасская? Огонь баба. Большевиков расстреливает, как семечки лузгает. Правда, ее Лавр Георгиевич Корнилов, царство ему небесное, однажды чуть сам не расстрелял за украденную с кухни курицу. Кушать захотела. Ха-ха. Подворовывает, бывает, но это ничего, в крепких мужских руках исправится.

– Послушай...

– Все, ротмистр, – резко прекратила веселиться Анна. – Мы здесь по серьезному делу. Сосредоточьтесь.

– Слушаюсь, госпожа Белоглазова.

– Так-то лучше.

Ротмистр Бекасов положил глаз на Анну, как только впервые увидел ее в Добровольческой армии. Это случилось после Перового кубанского похода.

Она прискакала в штаб армии из своего поместья под Таганрогом с десятью какими-то офицерами и казаками. Антон Иванович Деникин долго с ней беседовал. Потом выяснилось,

что эта девица назначена... атаманом отдельного Партизанского отряда генерала Маркова. Её отряд будет действовать, в основном, автономно, согласовывая, правда, свои действия со штабом. Это было главным условием очень энергичной и, как потом выяснилось, весьма твердой девицы. От других офицеров Бекасов узнал ее историю.

Анна Белоглазова училась в Александровском военном училище в Москве. После Октябрьского переворота вместе с юнкерами, кадетами и офицерами училища, среди которых были еще полтора десятка дам, отстреливалась в Кремле от большевиков. А потом, когда их выбили оттуда пушками, сражалась на улицах города. Но силы были неравны. Погибло несколько её подруг, остальным удалось выбраться из Москвы. Анна пробралась на Дон, в свое родовое поместье под Таганрогом. И пришла в ужас. Большевики отряда Сиверса буквально накануне сожгли её дом, убили мать, дядю, двух сестер. Обезглавленные трупы 12 летних девочек со вспоротыми животами были брошены в колодезь. Она даже не заплакала, чем удивила пришедших успокоить ее окрестных казаков и баб, сумевших спрятаться от красных. Окинула взглядом мужиков, среди которого были фронтовые офицеры и солдаты. «И долго вы будете терпеть этих зверей? – спросила Анна. – По норам попрятались, как суслики. Сидите и ждете, когда и вас перережут. Почему в армию генерала Корнилова не записываетесь?»

«Убили Корнилова», – ответил хмуро один из казаков. «Убили?» – удивилась Белоглазова, хотя пока она добиралась до Дона несколько раз до нее доходили слухи, что командующий погиб. Но не верила. Все кругом теперь врут, потому, как не ведают что происходит. «Кто ж теперь вместо него?» «Генерал Деникин. Только у него в войске одни пришлые. Надо в Войско Донское, к Краснову подаваться. Там свои». Среди казаков появился откуда-то поп. Перекрестил народ большим деревянным распятием: «Антихрист на землю пришел». «Ах, оставьте, батюшка, – отмахнулась Анна. – Какой еще антихрист? Обычные двуногие земные твари. Людьми не поворачивается их язык назвать. И бить их можно, как и любого другого зверя».

«Вот ты и побей, – ухмыльнулась одна из баб- Смелая какая. А нам потом без мужиков век куковать. Ты что ль их заменишь? Большевики вона землю обещают. А что твой Деникин? Всю жизнь на нас отъедался, а теперь на нас же в рай въехать хочет». «Цыц, дура! – осадил бабу, видно, ее муж или родственник. – Не смыслишь ни в чем, так молчи».

Однако Белоглазова на бабу не обиделась. «А что, – сказала она. – Добрая идея. Раз мужики трусливее зайцев, так надобно самой охотником становиться. Свой отряд создам. Кто ко мне захочет, приходи завтра на пасеку». «Атаманша-а, – всплеснула руками разговорчивая баба. – Во-она как... Бестия белая».

Ухмыльнулись казаки, а на утро человек тридцать все же пришли на пасеку. Привели коня по кличке «Смелый» и Анне. Тот попытался взбрыкнуть, но был остановлен крепкой, не девичьей хваткой, покорился. Мужики только удивлялись.

Отряд Белой бестии, так сходу Анну и прозвали казаки, не стал сидеть сложа руки. Буквально через несколько дней он совершил налет на оружейный склад большевиков в станице Медведевская. Взяли около 15 тысяч патронов, три ящика гранат, 200 винтовок, два пулемета Максима и даже легкую пушку. На другой день атаковали с помощью нее железнодорожную станцию под Ростовом, где комиссары устроили временный штаб.

Первым же снарядом попали в паровоз бронепоезда. Он переломился пополам с жутким грохотом, выпустив как умирающий дракон, клубы дыма и пара. Опрокинулся носом на рельсы, заблокировав подъездные пути. Ничего не понимая, большевики начали палить куда ни попадя. «Деникинцы! Кадеты окружают!» – стали кричать, выскочившие со всех сторон белоглазовцы, усугубляя панику. И побежали красные. Бросили вагоны бронепоезда. В них, перестреляв тех кто остался внутри, забрались казаки, начали бить из пулеметов по убегающим.

Победа была неожиданной и полной. Слухи о Белой бестии и ее отряде быстро расползлись по донской и кубанской землям. К ней стали приходить офицеры из Ростова, Новочеркасска и Таганрога. Но кормить бойцов только идеей долго невозможно. Людям нужно платить деньги. А с этим было трудно. Поэтому как только Добровольческая армия вернулась из похода после неудачного штурма Екатеринодара, Анна решила познакомиться с генералом Деникиным. Не стыдно теперь командующему в глаза посмотреть.

Антон Иванович принял атаманшу в станице Белая Глина радушно. По-отечески приобнял, предложил пирожные, которые прислали купцы «по случаю счастливого возвращения из похода». «Издеваются? Лучше б денег дали». Но дамы из артиллерийской роты были рады такому подарку. Антон Иванович сам любил сладкое, хоть и скрывал это от подчиненных. Но теперь удержаться не смог, велел адъютанту принести пирожных и себе.

– Кушайте, Анна Владимировна, – угощал он Белоглазову, усадив за стол просторной хаты, где временно разместился штаб армии. – Сейчас и чайку принесут. Не тот, конечно, теперь у нас чай, не тот. Вот поручик Хаджиев, адъютант Лавра Георгиевича Корнилова, царство ему небесное, готовил напиток, это да. Всем чаем чай. Поручик тяжело перенес смерть командующего, говорил, что для него будто солнце исчезло с небосклона. Решил вернуться в родную Хиву. Что ж, вольному воля, я не осуждаю, лихой текинец был. С ним еще десяток таких же орлов. Под Екатеринодаром многие полегли.

– Что же вы город-то не взяли? – прищурившись, спросила Анна. Ее колючий взгляд проникал прямо в душу, царапая там что-то внутри.

Деникин растерялся. Таких красивых, острых глаз он давно не видел. Антон Иванович аж встряхнул головой. И даже не от прямого, обескураживающего вопроса, а именно от этого ледяного, пронизывающего до самых глубин, взгляда. Ответил же обтекаемо:

– Враг оказался сильнее нас.

– Ерунда. Непобедимых врагов не бывает. Любого можно уложить на лопатки, нужно только знать его слабое место. Видно, вы не все просчитали.

Принесли чай. Антон Иванович сам поухаживал за дамой, наполнив простые глиняные кружки довольно ароматным напитком.

– Союзники теперь иногда подбрасывают, колониальный.

– Лучше бы они вам пушек подбросили.

Деникин сел напротив Анны, всмотрелся в ее красивое лицо. Налил себе чай в блюдечко. Он любил его пить так, по-домашнему.

– Я ведь, Анна Владимировна, хорошо знал вашего батюшку. Героическим офицером был, – сказал генерал, макая в блюдце кусок рафинада. – В 1915 году под Лутовиско его батальон 4 стрелковой бригады, которой я командовал, взял в плен почти 2000 австрийцев. Мы их тогда отбросили за реку Сан. Меня наградили орденом Святого Георгия, а...

– Так почему же Добровольческая армия все таки не взяла Екатеринодара? – прервала Анна вопросом воспоминания Деникина.

Генерал, державший блюдечко с чаем, и собираясь уже отхлебнуть, чуть не выронил его. Закашлялся. Вытер полотенцем намокшие от пара белые усы. Встал, подошел к окну.

– Я тоже пытаюсь ответить себе на этот вопрос, – сказал командующий, не оборачиваясь. – Мы были не готовы к походу. Мало сил, снаряжения, средств. Союзники, вы верно заметили, нам только пустяками помогают. Денег обещают какой месяц, 10 миллионов рублей и то под залог российских банков. Дай-то бог хоть так. А ведь мы из 80 дней «Ледяного» похода, 44 дня вели бои. Больше половины из них еще до штурма Екатеринодара. 700 снарядов на 12 пушек, 150 патронов на человека. У большевиков было заметное преимущество во всем.

– Ваши слова, Антон Иванович, звучат как оправдание. Если знали, что у комиссаров, как вы говорите, преимущество, зачем начали наступать на город, почему не скопили достаточно сил и средств? Только людей напрасно погубили.

Деникин вытер ладонью мокрый лоб- верно говорили про эту девицу, настоящая бестия. Вот ведь привязалась. А правильно вопросы ставит. Запутались тогда командиры добровольцев- хотели скорой, весомой победы, чтоб и союзников удивить и своих, сомневающих на какой стороне воевать- белой или красной. Ведь он сам вместе с Алексеевым уговаривал Корнилова сразу двинуться на Екатеринодар, но тот настоял на отдыхе войск. А потом, когда всё же подошли к городу, ввязались в бои, понял, что сил мало, стал говорить о немедленном отходе. Однако на это уже не соглашался Лавр Георгиевич. И если б не смерть Корнилова, настаивавшего на продолжении штурма, еще не известно сохранилась бы вообще Добровольческая армия. Эх, нехорошо так думать, – незаметно перекрестился Деникин. Вслух же сказал:

– Ошибок мы сделали много. Но армия вышла в поход с 4000 бойцами, а вернулась с 5000. Это притом, что на полях битв мы оставили 459 героев. Светлая им память. Люди в нас поверили, стали присоединяться. Это была главная наша задача, и мы ее выполнили.

– Где гарантия того, что вы не наделаете еще массу ошибок? А потому, я требую признания моего отряда частью Добровольческой армии. При этом настаиваю на полной самостоятельности действий.

– Требую, настаиваю... Позвольте заметить, Анна Владимировна, такого не может быть в единой армии, что б каждый творил все что он пожелает. Это тогда уже не армия, а... анархическое сборище.

– Но ведь вы находите как-то общий язык с атаманом Красновым.

– Да, но Петр Николаевич и не требует, чтобы мы признали его Донское войско частью Добровольческой армии. Он получает средства, ресурсы из своих источников. Однако боевые действия мы, да, иногда согласуем. Иногда, подчеркиваю, что не прибавляет существенных плюсов всему белому движению.

– Хорошо, Антон Иванович, – поднялась Анна. – Думаю, дальнейшие дебаты вести бессмысленно. Вы знаете мои условия. Надумаете, присылайте адъютанта в Хомутовскую.

Белоглазова деланно поклонилась и вышла из хаты. Вскоре атаманша лихо промчалась мимо окон штаба на донском жеребце. За ней так же лихо, со свистом пронеслась ее свита.

Вот ведь бестия, – покачал головой Деникин. А что, от такой сорви-головы может быть немало пользы.

Под вечер Антон Иванович собрал в штабе командиров. Рассказал о визите атаманши Белоглазовой и ее требованиях.

– Ну это, знаете ли, Антон Иванович, никуда не годится. Недоучившаяся кадетка будет нам ставить условия, – развел руками генерал Эрдели.

– Недоучившаяся кадетка, как вы изволили выразиться, Иван Георгиевич, разбила красных под Тимашовской и уничтожила бронепоезд в станице Медведевская, в глубоком тылу врага, – ответил Деникин. – В её отряд стекаются офицеры с Дона и Кубани. Сейчас 250 сабель, завтра, не сомневаюсь, будет 500. Конечно, полной свободы мы ей дать не можем. Но некоторую свободу действий... Как вы считаете, Борис Ильич? – обратился командующий к генералу Казановичу.

Тот ухмыльнулся. Кому как ни ему был свойственен авантюрный дух. Генерал со своим отрядом фактически взял Екатеринодар во время первого похода, ворвавшись в него на свой страх и риск вслед за отступающими большевиками. Занял оборону в центре города, ждал поддержки, но так и не дождался. Пришлось уходить. В результате штурм города провалился.

– А что, – сказал Казанович. – Я одобряю лихость и безрассудность, когда они оправданы, конечно. Эта атаманша навела шороху по всем окрестным губерниям. И глупо было бы ее отпихнуть, раз к ней тянутся люди. Почему бы ее отряд не пристегнуть, скажем, к генералу Маркову в качестве отдельной партизанской бригады?

– Благодарю, господа, – подправил кончики лихо закрученных усов Марков, – но у меня своих забот хватает. Только неуправляемой девицы на мою шею не хватает.

– Напрасно вы так, – рассмеялся Эрдели, – она очень даже ничего. Я бы и сам...

– Вот и берите, – вспыхнул Марков.

– Будет, господа, – поморщился Деникин. – Дело важное. К нам стекаются люди, в нас поверили, вот что главное. Это несомненный успех. Что с обещанной союзниками помощью, Иван Павлович?

Молчавший до этого начальник штаба Романовский поднялся со стула, но командующий его усадил: «не утруждайтесь».

– Буквально час тому Милюков сообщил генералу Алексееву, что вопрос с финансовой помощью Антанты нашей армии решен положительно. Банкиры, под гарантии Англии и Франции, будут готовы кредитовать нас в середине мая, начале июня.

– Замечательно! – воскликнул Деникин. – Значит, в первых числах лета, как мы и планировали, выступаем во второй поход. Раз с финансами вопрос теперь ясен, мы можем позволить себе содержать более крупную армию. Как командующий, я принимаю решение: создать отдельную партизанскую бригаду под командованием атамана... госпожи Белоглазовой в составе полка генерала Маркова. Это будет еще одним ярким свидетельством всеобщей борьбы русского народа за идеалы свободы и независимости, за Бога и веру, против ига большевизма. Есть возражения, господа?

Ни от кого возражений не поступило. Все уже привыкли, что Антон Иванович довольно часто в последнее время сыпет почти агитационными лозунгами. Лишь генерал Марков тяжело вздохнул и с расстройства сжевал целый кусок хлеба, выпил залпом полный стакан чая. Всех удивило как он не обжегся, ведь напиток был подан сильно горячим и еще не успел остыть.

И Анна показала, на что способна. Продолжила успешные нападения на обозы и колонны большевиков, откуда те не ждали. За неделю обеспечила Добровольческую армию продовольствием на месяц вперед. Захватила еще один бронепоезд в станице Переяславской. Причем, остановила его сама.

Состав только отошел от станицы в направлении Тихорецкой, когда Анна в простой бабьей одежде, замотанная в серый платок, встала на пути. Ей стали отчаянно сигналить. Машинист высунулся из кабины: «Пошла вон, дура!». «А ты меня не дури, – спокойно ответила Белоглазова. – Там под рельсами ящик с гранатами, а от него провода. Не иначе бомбу кадеты подложили». «Где?» «Выйди да посмотри, вон у водокачки. Да солдатиков прихвати, сам- то, поди, в бомбах не смыслишь».

Машинист что-то сказал молодому напарнику. Тот тоже высунулся наружу, покривился, оглядев бабу на рельсах. «А что нам, дядя, – сказал он машинисту, – больше остальных надо? Ежели что, мы первыми на воздух взлетим. Иди, доложи комиссарам». Тот проворчал что-то типа- вот она ленивая молодежь, сам бы мог сбегать- но спрыгнул с подножки пыхтевшего паровоза, побежал к первому бронированному вагону, стал стучать железным ключом.

Как только дверь открылась, из кустов выскочили партизаны, заскочили внутрь вагона. Он был оборудован одной трехдюймовой пушкой и четырьмя пулеметами. Большевиков быстро перестреляли, перекололи. Два других вагона оказались автономными. Услышав выстрелы, комиссары, сидевшие там, заблокировали замки, начали палить из всех стволов в белый свет.

Пришлось взорвать их найденными гранатами, подложив их под колеса. Они отвалились, но снаряды внутри не сдетонировали. Лишь пошел дым из амбразур, раздались стоны и проклятья. Пришлось бросить.

Паровоз с захваченным бронированным вагоном отогнали в тупик у Тихорецкой. Там машинистов отпустили на все четыре стороны.

Генерал Деникин, конечно, похвалил Анну за мужество, но побранил за безрассудность. Романовский же был более категоричен: «Это невиданная глупость – захватить и оставить почти целым вражеский состав на путях. Подгонят другой паровоз, поменяют колеса и броне-

поезд опять будет нас убивать. Толку-то от вашего героизма». Анна встряхнула белой шевелюрой, сверкнула своими синими глазами: «А вы бы, господин штабной, бросили здесь штаны протирать, да захватили пару бронепоездов. Тогда бы и советы давали».

Романовский собирался что-то сказать, но передумал. Козырнул командующему, вышел. Деникин вздохнул: «Сложный характер у Ивана Павловича. Но он настоящий герой. Только благодаря ему, армия сумела одержать ряд существенных побед». «То-то я и смотрю, – ухмыльнулась Белоглазова. – Еле ноги из-под Екатеринодара унесли».

Однажды под вечер в отряд, разместившийся на ночлег у одного из хуторов под станицей Плоская, прискакал вестовой из штаба. В депеше от Деникина сообщалось, что большевики-сорокинцы выкопали из могилы тело убитого генерала Корнилова в немецкой колонии Гначбау, где его похоронили добровольцы перед отступлением, и теперь везут по станицам для глумления над ним. Командующий предлагал партизанскому батальону Белоглазовой попытаться перехватить этот отряд. По имеющимся данным, он выступил из Гначбау днем и будет у Тихорецкой утром. «Вы окажете неоценимую услугу не только усопшему герою, но и всему Российскому Отечеству, за которое Лавр Георгиевич отдал свою славную жизнь», – писал в заключении Деникин. Отряд тут же выдвинулся к селу возле Тихорецкой. Здесь проходила основная проезжая дорога.

Около 8 утра на ней действительно появился отряд красных. В последнее время большевики и добровольцы стали носить на рукавах повязки – красные и соответственно белые. Так можно было хоть как-то отличить своих от чужих. Когда колонна комиссаров, которая состояла приблизительно из сорока верховых, повозки с пулеметом и двух телег, поравнялось с крайним домом села, партизаны бросили несколько гранат. Затем открыли огонь из пулемета. Половина большевиков была убита или ранена сразу. Оставшиеся в живых начали отстреливаться, но смысла в этом особого не было, так как противника они не видели. Когда из-за укрытий выскочили всадники, одни большевики поскакали спасаться в поле, другие заскочили в ближайшую хату, выбили окна стали отчаянно палить. Оборону они заняли умело, со всех сторон, не подойти.

Ротмистр Петр Ильич Бекасов, который был прикреплен от штаба к партизанскому отряду по настоянию генерала Маркова, подобрался к дому сзади, со стороны амбара. Бросил на крышу гранату Рдултовского. Она рванула, но соломенную крышу не подожгла, проделала в ней дыру. Ротмистр собирался швырнуть еще одну бомбу следом, однако его остановила Анна- «я сама». Мигом взобралась на амбар, с него, словно цирковая акробатка, совершила длинный прыжок на крышу дома. Скрылась в дыре. Застрелила трех контуженных, оглохших от взрыва большевиков. Обыскала хату, которая состояла из трех комнат и чулана.

В подсобке она наткнулась на черное дуло Нагана. Его держал, спрятавшийся за дверью, светловолосый мужчина лет 30. На нем был офицерский китель без погон, разорванный и окровавленный на плече. Он глядел на Анну голубыми, как утренние звезды глазами. В них не было ни испуга, ни отчаяния, только решительность. Его глаза сразу пронзили Анну насквозь. Кажется, всю жизнь она такие искала и вот нашла. И в целом он был недурен: соломенный чуб на взмокшем, высоком лбу, аристократичный нос с горбинкой, сочные губы. Явно из родовитых. И только смешные, оттопыренные красные уши, будто за них его только что драли, производили несерьезное впечатление.

Анна невольно рассмеялась, что повергло мужчину в смятение. Он поднял ствол выше, нажал на спусковой крючок. Раздался сухой шелчок. Но выстрела не последовало, видно в барабане закончились патроны.

Белоглазова спокойно вынула Наган из его руки, швырнула на пол. Долго смотрела в его лицо, потом произнесла: «Я взяла тебя на шпагу». И расхохоталась так, что слышали бойцы на улице. Бекасову она запретила трогать пленного. Сама сопровождала его в штаб армии.

Тела генерала Корнилова в разгромленном отряде большевиков не оказалось. Как сказали двое других пленных, их задача была собрать для Красной армии продовольствие с нескольких станиц и пригнать в Ростов мобилизованных. А тело генерала, вроде бы, сразу отправили в Екатеринодар и что с ним теперь они не знают.

Голубоглазым красавцем оказался бывший штабс-капитан 8-ой армии Киевского военного округа генерала Брусилова Владимир Половников. Служил при штабе командующего адъютантом, принимал участие в Галицийской битве, боях у Равы-Русской, Брусиловском прорыве под Луцком. С пленным беседовал лично начальник штаба Добровольческой армией Романовский.

– Как же так, Владимир Николаевич, – укорял генерал. – Заслуженный офицер, герой войны и пошли на услужение к губителям России-большевикам. Они же дьяволы! Ввергли отчизну в Гражданскую войну, а не дай бог победят, уничтожат ее до конца.

– Ах, оставьте нравоучения, господин Романовский, – вздыхал штабс-капитан. – Отечество мы сами ввергли, как вы выражаетесь, в пучину, когда влезли в бессмысленную войну. И основная вина на вас, генералах. Это вы не смогли убедить самодержца в пагубности его решения. Это вы потом не сумели нормально организовать фронт. Алексей Алексеевич Брусилов летом 1916 наголову разбил немцев и астрияков в Волыне и Буковине. Как штабной я знаю – захватили 600 орудий, 2000 пулеметов... Наступай дальше, на Берлин. Но вы, генералы, когда победа уже почти была в наших руках, и здесь не смогли ничего сделать. Поражение за поражением, при миллионных жертвах. Унижение, позор русского человека, который верил своим командирам. А они его подло предали. И чего же вы теперь хотите, чтобы народ был на вашей стороне? Да он вам никогда этого не простит. Потому и за большевиками пошел. А за кем еще ему идти, у кого теперь сила, в ком спасение? Да, многие уже теперь понимают, что большевики обманут, ничего хорошего не дадут. Но, главное, вам-то веры нет! Вот в чем дело.

– Именно по этой причине, господин Половников, вы и решили предать Родину? – спросил Романовский. – Нам, значит, веры нет. А проходимцу Троцкому, немецкому содержанту Ленину, есть. Так что ли? Смею вас уверить, большевики скоро перегрызутся между собой, будут убивать друг друга как заклятые враги. Их не жалко, жалко народ, который при этом пострадает. Впрочем, он и так уже страдает.

Штабс-капитан долго молчал. Потом сказал:

– Я встречался с Алексеем Алексеевичем Брусиловым в Москве. Он лечил руку после ранения. Сказал, что теперь другой дороги у нас нет. И он собирается стать красным командиром.

– Наивный Алексей Алексеевич. Большевики еще оплатят ему за его услуги, как и другим перебежчикам. Скорее всего, господин штабс-капитан, вы будете расстреляны.

Содержали пленного красного офицера в подвале казенной винной лавки №105 за решетчатой дверью. Он нашел за огромной дубовой, пустой бочкой бутылку с вином, пригубил. Так и ожидал своей участи.

Вечером пришла Анна Белоглазова. Пожилой солдат, охранявший подвал, нахмурился: «Не положено». «Да ладно тебе, служивый, – улыбнулась Анна. – Хочу комиссара напоследок своим дыханием согреть. На небесах-то, поди, ему никто такого внимания не окажет. Ха-ха. Хочешь, и тебя поцелую». «Тьфу, – сплюнул солдат, а потом тоже расхохотался, махнул рукой. – Ладно, чего уж там. Помилуйтесь. Только не долго. Но ротмистру все одно доложу».

Когда солдат поднялся по лестнице и скрылся в лавке, атаманша подошла к решетке, за которой на корточках, обняв колени, сидел штабс-капитан. Перед ним стояла бутылка с вином.

– Ну что, Володенька, кукуешь? Жаль если такая красота пропадет.

– Тебе чего? – невежливо откликнулся арестант.

– Как что? Я же тебя на шпагу взяла. По законам военного времени ты мой, а тебя хотят у меня отнять. Неправильно, нечестно. Хоть бы дали разок тобой попользоваться, а там уж и в расход. Ха-ха. Да, теперь с врагами строго. Девчонки из артиллерийской роты говорили, что до Первого кубанского похода, полевой суд пленных, в основном, оправдывал. А вот после позора под Екатеринодаром судьи злыми стали, никого не щадят. Так что плохо твое дело, Володенька.

– Не твоя забота.

– Влюбилась я в тебя. Ха-ха. С первого взгляда. Не веришь? Хочешь, вместе убежим? Убью сейчас этого старика и убежим.

– Иди куда шла.

– К тебе и шла. Никогда еще таких глаз, таких пшеничных волос, таких сладких губ еще не встречала. Люблю. Не веришь?

– Уйди уже. Устал от тебя. Спать хочу.

– А со мной не хочешь? Готова на все. Хочешь, перед тобой прям сейчас разденусь?

Половников ухмыльнулся, прильнул к железной решетке:

– Ну, давай.

Анна хмыкнула, скинула португезу, затем сняла оливковый бекеш.

– Да ты больная, – изумился Половников, когда Белоглазова начала расстегивать гимнастерку.

– Ага, – согласилась Анна.

– Солдат! – крикнул, поднявшись Владимир.

Когда страж появился, попросил немедленно вывести «эту даму». «Твоему начальству расскажу. Вместе со мной расстреляют». «Да ну вас, – вздохнул пожилой солдат, уверенный, что девица пришла к своему возлюбленному. Он и представления не имел, что она командир партизанского отряда. Надо ему то знать? Теперь все сажают- и те, и эти. Горе кругом, несчастье, хоть как-то людям жизнь скрасить. Зачтется.

Опять рассмеявшись, Белоглазова пошла к выходу. По пути сунула служивому полтинник. Тот замялся, но взял.

– Эй, как там тебя... – остановил её штабс-капитан. – Если в самом деле любишь, помоги жизнь сохранить.

Анна быстро вернулась, схватилась за железные прутья:

– Все для этого сделаю. Моим будешь.

Генерал Деникин безмятежно отдыхал в своей комнате, когда к нему ворвалась Белоглазова. За руки сзади ее хватал адъютант командующего поручик Востряков: «Я ей говорю, что Антон Иванович отдыхает, а она и слушать не желает, ваше превосходительство». Генерал несколько смутился, что дама застала его на кровати, да еще в полуразобранном виде- в исподней рубашке, с босыми ногами. Хорошо хоть галифе не успел снять. Ну, девица, ну огонь. Хотел спросить, что ей надобно, но Анна опередила Деникина. Подскочила кровати, схватила генерала за локоть- невиданная вольность в армии.

– Отдайте мне штабс-капитана Половникова! – выпалила она.

– Что? – не понял Деникин. – Извольте изъясниться понятнее, госпожа Белоглазова.

В штабе так пока и не придумали, какое воинское звание присвоить атаманше. Московское училище ведь не закончила, переворот Октябрьский помешал. А потому обращение к ней по чину среди офицеров-добровольцев вызывало затруднение. Между собой они звали просто Бестией. В глаза- госпожа атаман. В это они вкладывали некоторый сарказм и пренебрежение. Баба она и есть баба и не следует ей командовать мужиками.

– Ну тот красный офицер, которого я взяла на шпагу в станице Плоской, брусиловец.

– Помню, – кивнул Деникин, показывая рукой поручику Вострякову, чтобы тот подал ему китель.– Позвольте привести себя в порядок.

Анна отвернулась. Одевшись, генерал сел за стол. Сапог надевать не стал, сунул ноги в просторные валенные тапочки.

– Помню, – повторил генерал. – Так что же вы хотите?

– Полевой суд наверняка приговорит его к расстрелу.

– Возможно, – согласился Деникин. – Зверства сорокинцев невозможно описать словами. Впрочем, вы сами все прекрасно знаете.

– Спасите его, ваше превосходительство, – вдруг взмолилась Анна. – Я что хотите для вас сделаю.

Она опустилась перед командующим на колени, чем напугала и его, и поручика.

– Что вы, встаньте, мадемуазель... тьфу, госпожа Белоглазова. Анна Владимировна, извольте подняться!

Под локти атаманшу подхватил поручик Востряков, но она больно ударила его по рукам.

– Ноги вам целовать буду.

– Да что же это такое..., – поднялся Деникин, сдвинув своим грузным телом круглый стол с закрытыми картами. – Вам-то что за дело до штабс-капитана?

– Люблю его!

– Что? Ах, вот как. Были с ним разве ранее знакомы?

– Нет.

– Когда же тогда успели?

– Не знаю, ваше превосходительство. Сердце как шашкой пронзил. Пощадите его.

Генерал собирался возмутиться, сказать, что здесь армия, а не девичий пансион, где можно предаваться любовным мечтаниям. Но прикусил язык. Сам ведь женился недавно на девице Ксении Чиж, которая младше его аж на 20 лет. Любит её больше всех на свете, готов за нее на все, кроме одного – предать Родину. Сердцу не прикажешь и никакая война его желаниям не помеха.

– Так вы что ж..., – замялся генерал, подбирая нужные слова, – хотите сочетаться узами брака?

– Я готова! – выпалила Анна.

Антон Иванович не смог сдержать улыбки.

– Ну а он, то есть штабс-капитан?

– Куда он денется!

Деникин развел руками, восприняв эти слова по-своему.

– Ну, ежели за ним суд не признает серьезных воинских преступлений, коль он захочет искупить свою вину... свой промах кровью в рядах Добровольческой армии, пожалуй, я замолвлю слово.

– Захочет, ваше превосходительство. Благодарю.

Теперь стражу в винной лавке пришлось дать целый рубль. Штабс-капитан мирно похрапывал в обнимку с бутылкой, прислонившись головой к железной решетке. Анна бесцеремонно его растолкала за плечо, ударила сапогом по ржавым прутьям.

Когда Половников раскрыл ослотившие от вина и сна глаза, рассказала ему о беседе с командующим. «Покайся на суде, Володенька, скажи, что по принуждению вступил в большевистскую армию, собирался вот-вот сбежать к добровольцам, но тебя опередили, взяли в плен». «Не привык врать, – ответил упрямо Половников. – Я офицер. Честь превыше всего. Я уже объяснял вашему начальнику штаба, почему пошел к красным. Генералы страну профукали – в Германскую, потом в Феврале, а теперь освободителей Родины из себя корчат. Смешно. Кто ж им поверит? Только дураки. К таковым себя не причисляю. Красные пока что еще ничего скверного для России не сделали. Вон, мир с немцами подписали. Да, сомнительный. Но если не можешь победить, умей вовремя отступить, чтобы выжить.

– Я люблю тебя, – сказала припав к решетке Анна.

- Ты взбалмошная, капризная баба. Не верю тебе, потому что такой любви не бывает.
- Бывает, Володенька! – воскликнула Анна, чуть не плача.

– Все, я спать хочу. – Штабс-капитан спустился на несколько ступеней, сел на лестнице, обхватив голову руками, словно защищаясь от дальнейших речей девицы. – Уходи.

А на открытом полевом суде, который состоял из офицеров и солдат армии, к удивлению Анны, вдруг заявил, что попал к красным по принуждению. Забрали в большевистское ЧК во время облавы в Ростове. Били, издевались, пообещали расстрелять, если не согласится вступить в отряд комиссара Ивана Сорокина. Не выдержал. А теперь просит снисхождения за свою слабость, и готов кровью искупить свою вину в рядах славной Добровольческой армии.

Белоглазова верила и не верила своим ушам. Только вчера Володенька производил впечатление цельной, негибкой натуры. Она уж решила, что ничего исправить нельзя. И вдруг...

Полевой суд, на котором присутствовали генералы Деникин, Марков и Романовский, помиловал штабс-капитана Владимира Половникова, учтя его прежние заслуги в Российской императорской армии. Начальник штаба Романовский поздравил Половникова и спросил:

– А вы, господин штабс-капитан, за восстановление монархии или за Учредительное собрание?

Вопрос поставил Владимира в тупик. Но начальник штаба задал его не случайно. В последнее время в армии стали вновь преобладать монархические настроения, в них даже обвиняли и его. Но он был убежденным сторонником революционной демократии. А вот генералы Алексеев и Дроздовский уже не скрывали своих монархических взглядов. Офицеры армии раскололись на два лагеря.

Половников почувствовал подвох в вопросе, ответил осторожно:

– Думаю, сначала нужно закончить Гражданскую войну, а потом уже народ сам разберется по какому пути ему идти.

– Народ легко обмануть, – резко сказал Романовский, – принудить наконец. Если верить вам, то и вы не по доброй воле записались к большевикам. Толпу нужно направить в нужное русло, но обратно, в монархию, которая и погубила Россию, она уже точно не вернется. Во всяком случае, я рад что вы, как я понял, за новое Учредительное собрание.

Однако эти слова относились вовсе не к штабс-капитану. Адресованы они были генералу Маркову, который и приписывал Ивану Павловичу монархические пристрастия. Начальник штаба решил прилюдно еще раз подчеркнуть свою политическую позицию.

– Я не забыл ваших слов, что вы не доверяете генералам, – сказал начальник штаба, – но согласился временно про них забыть по просьбе командующего Деникина.

Анна, конечно, была рада такому исходу, что штабс-капитан выполнил все ее советы. И все же осталась во рту какая-то неприятная горчинка.

Половникова приписали к партизанскому отряду Анны Белоглазовой.

Они теперь жили вместе никого не стесняясь. Девушка была счастлива. Каждый раз, когда она засыпала на плече Владимира, благодарил Бога, что он послал ей такое счастье, которого она, возможно, и не заслужила. Боялась спугнуть. Воевали тоже вместе. Как и прежде отряд совершал внезапные налеты на противника и штабс-капитан показал себя довольно славным воином. Сначала он был в подчинении хорунжего Куликова, а после нескольких успешных операций, Анна позволила ему командовать взводом из пятнадцати казаков.

Как-то в середине мая стало известно, что в станицу Староминскую прибывает эшелон с крупным пополнением большевиков. Решили подорвать пути на мосту через реку Ея. Устроить засаду. В это же время командующий Деникин приказал партизанам Белоглазовой отсечь подвоз боеприпасов красных в станицу Егорлыкская. Пришлось разделиться.

– Справишься? – заглядывала в глаза Владимиру Анна.

– Не сомневайся. Я же пока не давал повода сомневаться в себе.

– Не давал, – припала подбородком к колючей щеке штабс-капитана атаманша. – Люблю тебя.

Владимир, как всегда на проявление чувств ничего не ответил. Он вообще ни разу не сказал, что любит Анну. Но это её почему-то устраивало. Она упивалась своей любовью.

На следующий день пришла скверная весть- отряд Половникова сам попал у станицы Канеловская в засаду. Видимо, комиссары предвидели, что деникинцы попытаются остановить эшелон или на реке Ея, или на Сосыке. Часть партизанского отряда была перебита, остальных вроде бы взяли в плен. Есть ли среди них штабс-капитан, неизвестно.

Ротмистр Бекасов с самого начала подозрительно относился к Половникову, говорил казакам, что «с этим перебежчиком, мы еще хлебнем». Возможно, неприязнь была связана тем, что он сам вздыхал по Анне. В ней для него сошлись все качества женщины, о которых он мечтал: красота, страстность, преданность, решительность. И некая терпкая изюминка, которой не было более ни у кого. Но преданность и любовь были адресованы, к сожалению, не ему. Еще до появления в отряде Половникова, он пытался сблизиться с Белоглазовой, но постоянно, словно стучался в закрытую на тысячи замков железную дверь. Однажды Анна, видя страдания Петра, взяла его за руку:

– Знаете, ротмистр, почему люди влюбляются? Потому что в объекте своего обожания, они видят продолжение себя.

– Нередко ошибочно, – буркнул Бекасов.

– Да, ошибочно, но это не меняет дела. Человек натура несовершенная и пытается другим, дополнить себя. Вами же у меня нет желания себя продолжать, потому что мы слишком с вами похожи.

Но Бекасов не оставлял надежды расположить к себе Белоглазову, даже когда у нее появился Половников.

Теперь же конкурент, возможно, попал в плен или убит. Эту новость Анна, вернувшись с задания, восприняла внешне спокойно. Собрала в хате помощников.

– Что предлагаете, господа?

– По нашим данным, пленных держат в станице Канеловской, – сказал один из казаков. – Но где именно, неизвестно. Там теперь довольно большой гарнизон красных. Наскоком мы не сможем их отбить. Нужно выслать разведчиков.

Белоглазова никому не могла поручить это задание. Хотела взять с собой двух казаков, но к ней в компаньоны напросился ротмистр Бекасов.

– Зачем тебе? – удивилась Анна. – Ты по определению ненавидишь штабс-капитана.

– Но я люблю тебя, – ответил ротмистр, – и сделаю всё, чтобы сделать тебе хорошо.

– Даже во вред себе?

На это Бекасов ничего не ответил.

Теперь они стояли вдвоем на берегу реки Ея.

Спустившись с косогора, рощей добрались до утлого мостика. Подбадривая коней, переправились по нему. В зарослях ивы спешили, привязали жеребцов к стволам деревьев. Когда вышли на поляну, к хутору, уже почти стемнело. У колодца четверо солдат жгли костер. В окнах дома света не было. Возле пристройки и амбара вроде бы тоже никого. Видимо, передовой пост перед станицей.

Анна кивнула Петру: «Как договаривались». Приблизительный план действий прикинули еще по дороге. Если на хуторе окажутся красные сторожевики, одно, если нет- другое.

Бекасов передернул затвор кавалерийского карабина, снова забросил его за плечо, подправил под шинелью Кольт и гранату, перекрестился. Зашагал быстрым уверенным шагом прямо к костру. Увидев его, двое солдат с красными лентами на зимних шапках, поднялись, вскинули ружья: «Стой! Кто такой?»

– Петр Ильич Бекасов, – ответил ротмистр.

– Кто? – удивился ответу один из служивых. У него был длинный, раздвоенный на кончике, как надрезанный ножом огурец, нос.

– Глухой что ли?

– Что тут делаешь, куда идешь?

– Жену выгуливаю?

– Чего?

– Точно глухой. Жену, говорю, выгуливаю, гулящая она у меня.

– Гулящая? – еще пуще удивился солдат.

– Ага. Да вот она.

Из зарослей вышла Анна в оливковом бекеше, с разбросанными по плечам почти белыми волосами. Кобуру с Маузером она оставила на седле жеребца.

При виде красивой девушки, поднялись и остальные солдаты. Не из почтения, из удивления.

– Эта что ль, гулящая, – сглотнув спросил солдат. Остальные его приятели стояли открыв рты.

– Я, – встряхнула великолепными волосами Белоглазова. – Ну, кто желает испытать мою страсть? Ты?

Она подошла к носатому бойцу, притянула его к себе за облезлый ремень. Засопела в его волосатые ноздри: «Ну-у».

– Чего тебе? – испугался солдат.

– Да ты не бойся, пощупай какая я хорошая.

Анна взяла его руку и засунула ее себе под бекешу.

– Чуешь?

Солдат начал моргать.

– Чуешь? – переспросила Анна.

– Чую, – наконец ответил боец.

«Что там, Никодим?» – заинтересовались его товарищи.

– Ну так ответь приятелям, чего застыл, как стеклянный.

– Граната.

– Что? – сделал шаг вперед другой солдат, но остановился, когда Никодим повторил: «Граната».

– Правильно, граната, – одобительно похлопала по плечу Никодима Анна. – Будете плохо себя вести, отпущу рычаг. Нам с мужем терять нечего. Он такой же псих, как и я. Правда, любимый?

– Правда, жена, – ответил Бекасов. Расстегнул шинель, продемонстрировав две гранаты за поясом. – Ружья кладите.

Солдаты тут же выполнили приказ, подняли руки.

Беседа у костра продолжалась недолго. Выяснилось, что на хуторе больше никого нет. Хозяева давно сбежали – то ли от красных, то ли от белых. В станице Канеловской целого гарнизона красных уже нет. Утром два полка комиссара Сорокина были отправлены ближе к Екатеринодару, так как стало известно, что деникинцы вновь собираются штурмовать город. В станице осталось две роты – пехотная, артиллерийская и штаб. На днях должны выдвинуться и они. Пленных белых казаков расстреляли. Оставили в живых только одного.

– Кого? – взяла Анна за воротник шинели носатого.

– А я знаю? Их в расход за баней пускали. Поставили шеренгой, а перед самым залпом помощник комиссара Берзиньш, латыш, прибежал и одного с собой забрал. Офицера.

Анна и Бекасов переглянулись. На лице Белоглазовой промелькнул испуг.

Солдат заперли в подполе хаты. Петр сказал, что сверху на дверцу приладил гранату и если они попытаются вылезти, сразу же подорвутся. Напоследок узнали, где в станице штаб и где квартируют комиссары.

Забрали своих коней. Вдоль реки поехали к станице. За холмом, у первых домов, спешили. Собаки, почуяв чужаков, зазвенели цепями, злобно залаяли. Атаманша вынула Маузер из кобуры, спрятала под бекешу.

Бекасов собрался идти с Анной, но она его остановила:

– Позволь, я сама, Петя... Ладно? Ты же понимаешь...

Пробиралась к штабу вдоль заборов, мимо еще добрых и сожженных домов. То ли бои здесь были, то ли комиссары подпалили жилища неугодных им казаков.

Штаб находился в крашенной желтой краской хате, как и говорили солдаты, сразу за рынком, у магазина с вывеской «Молочная торговля». В доме горел свет.

Белоглазова, пригибаясь, осторожно подобралась к краю строения. Попыталась встать на выступ, чтобы заглянуть в окно. Нога сорвалась и Анна ударилась подбородком о стену. Выругалась. Решила повторить попытку, но кто-то ухватил ее за воротник, встряхнул:

– Что, попалась, птичка?

Её держал за шиворот огромный матрос в бескозырке. Он был опоясан пустой пулеметной лентой, за поясом – Наган. Глаза его горели в ночи желтым огнем, как у кота, поймавшего добычу.

– Чего тебе тут надо, а?

Анна уже нащупала Маузер, но передумала его применять. Услышат выстрел-все пропало.

– Гулящая я, – сказала она, повторив сцену на хуторе.

– Что?

– По желтому билету работаю. Что тут непонятного? Вот, думаю, может товарищам комиссарам на ночь что нужно. Я все умею.

– Так уж и все, – несколько остыл матрос. – Мы, большевики, люди порядочные и высоко нравственные, у нас это... запрещено.

– Да ладно, сказки-то рассказывать, запрещено, – покривилась Анна. – Природа у всех мужиков одна или вы больные поголовно, а?

Матрос задумался, потом расхохотался:

– А ты не промах. И на личико ничего себе. Ладно, может и сгодишься.

Матрос потащил Анну по крутым ступенькам крыльца, коленом открыл дверь, потом вторую.

В просторной комнате за круглым столом сидели пятеро мужчин, играли в карты. Двое в кожаных танкистских куртках. Такие теперь носили комиссары. Дым от папирос стоял столбом. Тем не менее, в комнате было довольно светло от нескольких керосинок и двух свечей. Одна из них в бутылке из-под мадеры горела на столе.

– Вот, товарищи, набивается скрасить ваш вечерний досуг, – сказал матрос.

Игроки обернулись. Среди них был штабс-капитан Половников. Он кинул на стол карты, поправил брошенный на плечи офицерский китель без погон.

– Ну что, Володенька, кукуешь? – повторила Анна с ухмылкой вопрос, который впервые задала штабс-капитану в подвале винной лавки.

– Вот эта встреча! – всплеснул руками Половников. Китель свалился с его плеч. Он остался в белой исподней рубахе. – Знакомьтесь, товарищи. Атаманша, командир отдельной партизанской бригады Добровольческой армии Анна Владимировна Белоглазова собственной персоной.

«Как?!» – воскликнули комиссары хором. Встали с мест.

– Да. И моя сожительница. Влюбилась в меня с первого взгляда, как кошка. Если б не она, расстреляли б меня деникинцы, не моргнув глазом. Благодаря ей же, командованию Красной армии теперь многое известно об этой, с позволения сказать, армии- состав, вооружение, контакты с союзниками, атаманами станиц и, главное, планах. Если б генерал Деникин узнал об этом, он бы собственноручно пристрелил красавицу.

«Краси-вая», – протянул один из комиссаров.

– Можете оценить эту красоту, так сказать, теперь вплотную, – продолжал Половников. – Сама же пришла. Раздевается, друзья, по первому щелчку. Ну, Анна, покажешь номер?

Высокий, худой как жердь большевик, задвинул с грохотом под стол стул. Выпятил вперед бородку клинышком:

– Как она вас нашла, товарищ Половников? Может, привела с собой целую армию!

– Успокой своего приятеля, Володенька, – ответила Белоглазова. – Никакой армии за мной нет. Ты верно сказал, я влюбилась в тебя как кошка, с первого взгляда. И вот пришла спасать тебя. А ты, оказывается, ни в каком спасении не нуждаешься.

– Милая Аннушка, – подошел к Белоглазовой штабс-капитан, дыхнул на нее дымом от папиросы, – неужели ты и в самом деле решила, что я свяжу свою судьбу с такой безголовой оторвой, как ты? Что буду воевать на стороне генералов, которые спустили в помойную яму великую империю? Они прошлое, ушедшее безвозвратно. Что они могут дать русскому народу? То, чем он уже сыт по горло- рабство, нищета и бесправие. От вашей армии пахнет нафталином и перхотью. Вас всего несколько тысяч, нас тьма, потому что на нашей стороне свобода и правда.

– Ты прав, Володенька, как всегда прав. На вашей стороне- тьма. Но я пришла сказать, что люблю. Безмерно люблю.

Пухлый комиссар в монокле осклабился. Худой засопел волосатыми ноздрями, упрямо повторил вопрос:

– Как она сюда попала?

– Нетерпеливые какие у тебя друзья, Володенька, – вздохнула Анна. – Что ж, щелкай пальцами, любимый.

Белоглазова засмеялась, но в глазах её штабс-капитан, кажется, увидел навернувшиеся слезы. Это его еще больше насторожило. Пора было прекращать комедию и в самом деле разобратся, как она узнала, что он здесь и как пробралась в станицу. А главное, для чего? Неужто и вправду за ним?

Анна спокойно достала из-под бекешки Маузер. Комиссары застыли будто в немой сцене. Только матрос стал пятиться к двери.

Его она пристрелила первым. Затем уложила комиссара с клинообразной бородкой, задававшего много вопросов. Остальные, вместе с Половниковым, отскочили в угол комнаты, где висела икона с погашенной лампадой. У всех в кобурах были револьверы, но от страха они забыли про них.

Когда прогремели еще два выстрела и большевики упали на пол, забрызганный их кровью штабс-капитан, опустился на четвереньки, пополз к Анне.

– Не стреляй, не надо!

– Что ты, разве я могу убить любимого человека! Я же пришла за тобой. Пойдешь?

– Куда скажешь. Хоть на край света.

– И снова мы будем жить и воевать вместе?

– Да!

На улице раздался взрыв, окно осыпалось осколками, часть рамы провисла в комнату. Внутри ворвался ротмистр Бекасов. В руке он держал поднятую вверх гранату:

– Ложись, всем на пол!

Но увидев живую- здоровую Анну и убитых большевиков, опустил бомбу. Уставился на Половникова, ухмыльнулся:

– А-а, штабс-капитан... В картишки режешься?

Он подцепил мыском сапога червонную даму, отшвырнул к печке с чугуном картошки. Её подняла Анна, покачала головой:

– На червонную даму мне когда-то гадала цыганка, сказала что ждет меня безумная, однако роковая любовь. Ты любишь меня, Володенька?

В углу зашевелился один из комиссаров. Как оказалась, пуля пробила ему плечо:

– Это Половников сдал нам отряд ваших добровольцев, – сказал он с выраженным прибалтийским акцентом. – Специально к засаде привел. Он постоянно держал связь с нашей контрразведкой. Его здесь, по незнанию, чуть не расстреляли, я спас.

– Ты тот самый Берзиныш?

– Вам отсюда не выбраться, – ответил латыш, застонал.

– Видишь, Володенька, что ты натворил, – с иронией сказал ротмистр Бекасов. – Сколько людей из-за тебя погибло- и белых, и красных. Нехорошо.

– Это правда? – не глядя на штабс-капитана, спросила Анна. – Верно, что ты... был агентом большевиков?

Половников нервно раскачивался на каблуках, будто его штормило ветром. Вдруг пропало:

– Да! Да! Ненавижу вас, ненавижу! Кем я был? Адъютантом самого Алексея Алексеевича Брусилова, героем! Вы же устроили в феврале переворот, отдали власть недоумку Керенскому. А потом не смогли справиться и с ним. Уничтожили всё- и монархию, и страну, а вместе с ней мою карьеру, жизнь. Теперь я хочу одного-свободы! Ото всех!

– Я, значит, виновата...

– В первую очередь, потому что служишь этим... карикатурным, никчемным старикам-полководцам, этим ублюдкам, которые только и могут что витиевато и учтиво изъясняться на собраниях, а за глаза обливать друг друга грязью. Армия... ха-ха.. Умственные калеки-генералы, полуспившиеся офицеры-дезертиры, казачий сброд и юнкера-романтики. Ну какой из Деникина командующий? Ему бы только на санях с бабами кататься.

– Я, Володенька, служу только себе. С тобой же мне все ясно. Можешь не продолжать.

Белоглазова подняла Маузер, навела на грудь штабс-капитана. Тот втянул живот, прекратил дышать. Но глаз не отвел. В них пылал отчаянный гнев. Когда палец уже начал сдвигать спусковой крючок пистолета, Анна перевела ствол на Бекасова и выстрелила. Ротмистр упал на тело мертвого матроса. Другим патроном она добила латыша. У Половникова от страха подкосились ноги. Опустился на лавку. Анна взяла его за отворот кителя:

– Ты жаждешь свободы? Иди.

– Что?

В глазах его уже не было решимости, только ужас.

– Ты свободен, иди, я тебя не держу, Володенька. Я люблю тебя.

– Сумасшедшая, ведьма, – прошептал Половников. Нашел силы подняться. – Ну, я пойду?

– Сказала же, иди.

Анна села за стол, положила на него пистолет.

За окном, совсем близко раздались выстрелы, а через мгновение в комнату ворвались несколько большевиков с револьверами и ружьями. «Мать честная, – вырвалось у одного из них, когда он увидел горы трупов, – Это что здесь..?»

– Возьмите её, – сказал Половников. – Это та самая Белая бестия, атаманша отдельного партизанского отряда полка генерала Маркова.

Анну грубо кинули на пол, придавили сапогами. Кучерявый, похожий на Троцкого комиссар в коричневой кожанке и казачьих шароварах, взял ее за подбородок: «Приятно позна-

комиться, барышня». «И мне приятно лицезреть нос к носу настоящего пархатого большевика. Ха-ха. Пошел вон, скотина».

Она вцепилась зубами в ладонь комиссара, стала рвать ее, словно собака. Атаманшу удалось оторвать от «Троцкого» только ударом приклада по голове. Все лицо ее залила кровь-своя и комиссарская. Анна смеялась.

– Уберите эту сумасшедшую, сам допрашивать буду! – скрипел зубами комиссар, затягивая покусанную руку лоскутом скатерти со стола.

Белоглазову потащили к выходу. Она уперлась сапогом в дверь:

– Обождите. Володенька, так и подарка моего не увидишь, отберут ведь.

– Какого подарка? – хмуро спросил Половников, стараясь унять дрожь в ногах.

– Да как же, не с пустыми же руками я к тебе шла столько верст. Отпустите же, Маузер-то вон, на столе.

Комиссар переглянулся с Половниковым, кивнул. Солдаты отпустили Анну. Она перевела дух, распахнула бекешу, спокойно вынула гранату Рдултовского.

Штабс-капитан присел. Солдаты начали креститься. Белоглазова делала все спокойно, как по инструкции- сжала ручку гранаты Р-14, сдвинула зажимное кольцо вперед, затем передвинула большим пальцем руки предохранительную чеку.

– Запал внутри, можете убедиться, – продемонстрировала она комиссару голову бомбы, оснащенную взрывателем.– Не на земле, Володенька, вместе, так на небесах будем.

– Не хочу! – закричал штабс-капитан.

– Мало ли что не хочешь. Надо.

Анна отпустила рычаг, внутри гранаты раздался хлопок наколотого бойком капсюля взрывателя.

Солдаты попытались выскочить в дверь, но застряли в узком проеме. Половников заметался по комнате. Упал, в конце концов, под стол, закрыл голову руками. Комиссары стояли, раскрыв рты, прижавшись к стенам.

Но... взрыва не последовало. Когда стало ясно, что его и не будет, оттаяли. Комиссар взял бомбу в руки, покрутил перед глазами:

– Вот она прогнившая монархия во всей красе, даже гранаты нормально делать не могла, потому и рухнула.

Подошел к Анне, ударил с широкого разворота кулаком в лицо. Она отлетела в угол комнаты, ударилась о край печи, осела без чувств. Из ушей потекла кровь.

– Вот ведь стерва. Как она сюда попала, Половников? Этот что ль подарок она вам принесла? Чушь какая-то.

Штабс-капитан встал, отряхнул широкие галифе, собирался что-то сказать, но не успел. Ротмистр Бекасов стрелял из-под руки мертвого матроса. Он пришел в себя как раз вовремя сцены с гранатой. Вспомнил, что в него стреляла Анна, но почему- пока задумываться не было время. Пуля попала во фляжку с коньяком, которая лежала у него в нагрудном кармане, в тело не вошла, но от сильного удара, вероятно, сломала несколько ребер. Дышать было трудно.

Выпущенная Бекасовым из Кольта М1911 одиннадцатимиллиметровая пуля попала прямо в глаз Половникову. Кровью и мозгами забрызгало почти всю заднюю стену комнаты. Почти сразу упали на пол комиссары и один солдат. Другому удалось выскочить из дома. Он закричал, что штаб захватили кадеты.

С трудом поднявшись, Бекасов подполз к Анне, пощупал пульс. Она была жива. Приводить в чувство? А зачем, сейчас сюда ворвется свора большевиков, растерзают как волки. Уж лучше пристрелить ее, потом себя. Ну себя, конечно, последним патроном.

Бекасов поменял в Кольте магазин, приставил дуло к виску Анны. Но нажать на курок не мог.

В окне посыпались оставшиеся стекла, пули стали разрывать глиняные, беленные стены. В них появлялись большие черные воронки. По дому били из пулемета, причем одной, длинной очередью. Стали стрелять и по двери. Вскоре она превратилась в решето. «На этот раз точно конец», – подумал ротмистр.

Внезапно стрельба рядом стихла, теперь она начала раздаваться поодаль, кто-то закричал: «Кадеты! Кадеты!»

В свете яркой майской луны по улице с диким улюлюканьем пронеслись всадники. Через какое-то время, ещё.

Бекасов осторожно выглянул в окно. Это были белоглазовцы. Они гоняли по площади рынка большевиков. Рубили их с плеча, с оттяжкой шашками. «Здесь мы! – закричал ротмистр. – Сюда, братья!»

Прапорщик Ильин из разведгруппы первым приблизился к окну: «Вы что ль, ваше благородие? «Я, кто же еще!» «А где Анна Владимировна?». «Здесь. Вовремя вы объявились. Но каким образом?» «Объявляется черт за колодой, а мы прилетели, как ангелы небесные. Знали же, куда вы направились. Девку всегда надобно блюсти, хоть и атаманшу. Сердцем чуял, что вляпаетесь. Слава богу, успели».

Бекасов вынес Анну на воздух, дотронулся трясущейся рукой до ее бледной, измазанной кровью щеки. Она открыла глаза.

– Петя, – прошептала она, – я же тебя убила.

– Плохо значит убила, – ответил ротмистр. – Эй, кто-нибудь, найдите лекаря и повозку.

Казачи помчались по дворам. Там изредка еще раздавались выстрелы. Партизаны добивали в станице красных.

Анна опять потеряла сознание. Видимо, сотрясение было очень сильным.

В какой-то момент она вновь пришла в себя, прижалась к ротмистру, который все еще держал ее на руках. Прошептала: «Я люблю тебя».

Кому были адресованы эти слова – ему, или убитому штабс-капитану Половникову, Бекасов не понял. Но хотелось верить, что ему. Ведь каждый живет надеждой и ожиданием весны.

Без надежды, вся жизнь человеческая всего лишь бесконечная, холодная белая метель.

Особое задание ротмистра Бекасова

Ветер носил по станице Манычской клубы пыли и обрывки газет. Бросал в воды распавшегося от раннего лета Дона, напечатанные в них новости о занятии Ростова 1 экспедиционным немецким корпусом и установлении в Киеве режима гетмана Скоропадского.

Жутко гудел этот ветер окаянной нежитью в печной трубе хаты, где размещался штаб генерала Деникина. Глиняную трубу утром пробило осколком снаряда, выпущенного с пригорка по станице отрядом большевиков. Откуда он взялся, непонятно. Разведка генерала Маркова, который теперь командовал 1-ой пехотной дивизией Добровольческой армии, накануне докладывала, что сорокинцы находятся по линии станция Торговая- станицы Егорлыкская-Тихорецкая, а это почти на 80 верст южнее Манычской. Конники Эрдели мигом нагнали большевиков. Их отряд состоял из двадцати человек. У них оказалась короткоствольная пушка, из которой они и обстреляли Манычскую. Дратся не пришлось. Завидев всадников в черных бурках и низких серых шапках с белой лентой, большевики сразу подняли руки. Нескольких сходу зарубили, остальных погнали в станицу. Эрдели передал пленных марковцам, а те недолго думая, расстреляли их на берегу Дона.

«Как же так, Сергей Леонидович, – возмущался командующий армией Деникин, когда к нему по его приказу пригласили генерала Маркова. – Вы же прекрасно осведомлены о новой статье в Уголовное уложение по борьбе с самосудами. Созданы специальные комиссии, которые призваны нещадно наказывать за подобные проступки. Мы обязаны демонстрировать всему миру накануне нового, надеюсь, исторического похода, наш гуманизм и стремление к справедливости. А такие инциденты не прибавляют нам авторитета. Разве вы забыли слова из листовок, которые мы везде распространяем: Я доброволец- люблю даже тех, с кем сейчас воюю. Я, по приказу своего вождя, генерала Деникина, не расстреливаю, а беру в плен и придаю правосудию, которое страшно только для врагов народа – комиссаров, коммунистов».

Генерал Марков был как всегда в своей белой высокой, не пропорциональной голове, папахе, с аккуратно подстриженной бородкой. В глазах- не гаснущий героический, веселый блеск. Да он и был героем. Именно Марков в начале апреля спас у станицы Медведовской отступающую после неудачного штурма Екатеринодара Добровольческую армию от полного разгрома. В войсках его прозвали «Ангел-хранитель». И он этим очень гордился. Теперь в его дивизию вошли не только Первый Офицерский и Первый Кубанский стрелковый полки, но и инженерная рота саперов и батарея легкой артиллерии. Впрочем, после Первого, Ледяного, как принято теперь было говорить, похода стало ясно, что пушки нужно равномерно распределять по всем дивизиям, а не как раньше держать в одной. И теперь ими располагали полки Боровского, Дроздовского, Покровского и Эрдели.

Антон Иванович Деникин был близким другом Маркова, поэтому укоризненные слова командующего тот воспринимал спокойно.

«Извини, Антон, не доглядел за своими орлами», – ответил Марков, положив на стол с картами драгоценную папаху. Он редко носил положенную по уставу фуражку с белой тульей и черным околышем. К середине мая, стараниями генерала Алексеева, все бойцы Добровольческой армии оделись в форму в зависимости от принадлежности к дивизиям. У дроздовцев были малиново-белые фуражки и такие же малиновые погоны с черно-белым кантом. У алексеевцев преобладали бело-синие цвета. У всех на погонах начальная буква фамилии командира, а на левом рукаве- шевроны из цветов русского флага, углом вниз.

«Красные концентрируются у Тихорецкой, Торговой, Белой Глины и Екатеринодара. Немцы подошли к берегу Еи, – говорил Марков. – Может, прав атаман Краснов и нужно наступать на Царицын. Там оружие и боеприпасы». «Мы сейчас обсуждаем иную тему, Сергей Леонидович, – поморщился Деникин. Всех подчиненных офицеров он называл по имени-отчеству,

несмотря на личные отношения и симпатии. Его же только Марков позволял себе называть по имени и на „ты“. – Наша обязанность неукоснительно соблюдать все законы и уложения, которые сами же пишем. Иначе грош нам цена».

«Да пойми, дружище, ну как мои люди могут начать вдруг гуманно относиться к большевикам, когда каждый день находят пленных добровольцев со вспоротыми животами и отрезанными ушами. И мирных казаков, которые не хотят отдавать комиссарам хлеб даром, красные режут, как скот. Мы платим крестьянам за пуд по 15 рублей, а большевики просто их грабят. В прошлую субботу за Пухляковской откопали пятнадцать казаков, шедших к нам записываться в добровольцы. Их большевики зарыли в землю живьем. Половину удалось, слава богу, спасти, мы вовремя подоспели. Ну и как мне остановить своих бойцов?»

«Мы не должны уподобляться этим двуногим зверям, господин генерал, как вы не понимаете! – разнервничался Деникин. – Считаю нужным указать вам на необходимость тщательного соблюдения указаний командования Добровольческой армии. Извольте исполнять».

«Слушаюсь, ваше высокопревосходительство».

В штабе, где шла беседа, повисла тишина. Оба генерала переваривали слова друг друга. И вдруг оба рассмеялись официальному тону, на который перешел их разговор.

«Я разберусь, Антон, с офицерами, – сказал, наконец, Марков. – Что там положено по Уложению? Несколько месяцев тюрьмы или штраф. Вот и оштрафую их... рублей на 200. Всех. Думаю, больше расстрелянные большевики не стоят. Кстати, среди них было несколько инородцев-китайцев и азиатцев. Обычное теперь дело в рядах большевиков. Трубу вон в штабе пробили. Ишь, ветер завывает. А могли бы бомбу прямо в окно тебе положить, как в свое время Корнилову. Ты нам, Антон, дорог не менее Лавра Георгиевича. Без тебя и армии не будет».

«Не люблю лести, Сергей Леонидович, знаешь ведь. Наше великое дело держится не на личности, а на святой идее свободы».

И вдруг где-то рядом заиграл «Интернационал». Советский гимн врывался в комнату хаты и, казалось, наполнял все её углы ядовитыми миазмами. Генералы переглянулись, выглянули в окно.

У сарая соседнего куреня на кривоногом столе стоял патефон. Его ручку накручивал солдат в потертой шинели, в старых, ещё царских погонах. Видно, из свежего пополнения. Рядом топтались, дымили союзническими сигаретами и махоркой марковцы с дроздовцами, гоготали. К толпе подошли алексеевцы-подпоручик и прапорщик. Тоже рассмеялись.

«Гениальный все же композитор, этот Пьер Дегейтер, – сказал Деникин. – И слова хорошие. Знал бы поэт Коц какому варварству они послужат. Все революции начинаются с благих намерений, а заканчиваются апокалипсисом».

«Сейчас разгону весельчаков», – сказал Марков.

«Зачем? – остановил его командующий. – Пусть слушают. Мы боремся не с культурой, а с идеей».

«Культура и несет идею».

«Только свободные духом люди могут осмысленно и до конца бороться за свободу. Это есть наш последний и решительный бой... Разве и не про нас? А победит не тот, кто сильнее, а тот кто мудрее, человечнее, добрее».

«Ах, Антон, ты жуткий идеалист». «То же самое мне говорит и моя жена Ксения Васильевна. За это и люблю вас, друзья мои».

Интернационал закончился. Солдат поставил другую пластинку. Теперь по улицам станицы, вместе с ветром понеслось «Боже, царя храни!» Кто-то из бойцов опять заржал, другие начали подпевать, креститься. Одни еле заметно, иные открыто, размахисто.

Часы генерала Деникина сообщили изящной мелодией Шуберта о полдне. В штаб командующего вошел генерал Романовский. За ним только что прибывшие в станицу атаман Крас-

нов и кубанский атаман Филимонов. Затем порог комнаты переступили руководитель армии Алексеев, генерал Богаевский и полковник Дроздовский.

Последним вошел, оглядел всех внимательным, колючим взглядом начальник контрразведки Деникина полковник Васнецов. Сел в углу, закинул ногу на ногу, достал золотой портсигар, вынул папиросу, обстучал об палец, но прикуривать не стал. Полковник занял эту должность после возвращения добровольцев из Первого похода. До него контрразведки, как таковой, в армии не было. Грамотно создать ее могли только бывшие служащие Департамента полиции или Жандармского управления. Именно они составляли костяк контрразведывательных отделений Императорских армий. Однако генерал Деникин считал, что в контрразведке Добровольческой армии, борющейся за свободу России, не могут служить офицеры, запятнавшие себя политическим сыском. По его мнению, такие люди будут создавать в армии нездоровую обстановку. А потому отказывал даже заслуженным сыскарям. Например, бывшему начальнику Петроградского охранного отделения Глобачеву и бывшему руководителю Особого отдела, директору Департамента полиции МВД Климовичу. Однако контрразведка армии была необходима. В первое время «особыми» функциями занимался сам руководитель армии Алексеев. Так в январе 1918 года он отправил с разведывательным заданием в Петроград опытного следователя, статского советника Орлова. Где он теперь, никому не было известно. И, в конце концов, контрразведывательный отдел был создан. Ее возглавил полковник Павел Николаевич Васнецов, служивший в свое время при штабе генерала Алексеева. Крепкий, коренастый офицер с якорной бородкой на большом, совиным лице. Круглыми, всегда широко раскрытыми зелеными глазами и крючковатым носом. Такое ощущение, что он всегда высматривал добычу. Высокий лоб, выпуклые надбровные дуги говорили о пытливом уме, а большие, заостренные уши о решительности и даже беспощадности. Ему нравилась его роль «тайного министра» и он с удовольствием ее исполнял. В свой контрразведывательный отдел он отобрал двадцать человек. Полковник тщательно скрывал от Деникина, что некоторые из них служили в полиции, правда обычными городскими или письмоводителями в конторах. Остальные были бывшими штабными, как и он. Например, ротмистр Петр Ильич Бекасов, в свое время приставленный от дивизии Маркова к атаманше Белоглазовой-Белой бестии, как ее звали добровольцы. После происшествия в станице Канеловской, где она пыталась спасти своего сожителя штабс-капитана Половникова, оказавшегося агентом красных, Анна Владимировна слегла с сильными головными болями. И вроде как даже повредила рассудком. Командовать отдельной партизанской бригадой Романовский хотел было поручить Бекасову, но начальник контрразведки, узнав как он храбро действовал в тылу большевиков, забрал его к себе. Служба начинала работать довольно топорно. Следили за всеми подряд, даже высшими офицерами. Они это нередко замечали, высказывали свои претензии Деникину. Но командующий только разводил руками: «Ничего не поделаешь, у них служба такая». Однажды генерал Богаевский узнал, что за ним подсматривают агенты Васнецова, когда он уединяется с дамами. Богаевский поймал сотрудника разведки Пяткина и здорово побил. На следующее утро командира 1-ой бригады вызвал к себе полковник Васнецов.

– Не много ли себе позволяете, Павел Николаевич? – вальяжно развалился на стуле напротив Васнецова Богаевский. – Я генерал-лейтенант, а вы всего полковник.

Васнецов, казалось, долго подбирал слова, расхаживая возле генерала, потом резко остановился, приблизил к нему свое совиное лицо:

– Дама, с которой вы вчера изволили быть, жена поручика Сотникова, геройски погибшего несколько дней назад. Моральный облик сей женщины меня интересует мало, но, думаю, офицерское собрание заинтересует облик ваш, генерал, когда станет известно, что вы вопреки всяким приличиям заняли место мужа, чье тело еще не успело остыть.

Генерал раскрыл рот, но при виде страшных круглых глаз прямо перед собой, не решился ничего ответить. А полковник продолжал:

– 1-го января 1915-го года ваш 4-ый Мариупольский гусарский полк попал в засаду. Вы не стали прорываться из окружения австрийцев, а отдали приказ сложить оружие и сдаться. И только подоспевшие войска Брусилова спасли вас от позора. Вы хотите, чтобы об этом стало широко известно?

– Нет, но я..., – сглотнул и подавился собственными словами генерал. Хотел спросить откуда это известно Васнецову, но понял, что контрразведчик не даром ест свой хлеб. Встал, поклонился и вышел.

А вскоре Богаевский упросил Деникина отпустить его к атаману Краснову в Донское войско, чтобы якобы «присматривать за своенравным и слишком независимым генералом». Командующий согласился. Но подробности «тяжелой беседы» полковника Васнецова с Богаевским каким-то образом стали известны в армии. И имидж контрразведчика в их глазах резко повысился. С ним теперь наперегонки спешили поздороваться не только обычные офицеры, но и штабные генералы.

– Ба, да здесь концерт, как в Царском селе, – весело сказал полковник Дроздовский. – «Будь нам заступником, верным спутником...» Славно!

Дроздовский никогда не скрывал своих монархических взглядов, открыто говорил что состоит в тайной монархической организации. Подозревали, что и начальник штаба Романовский не чужд монархическим идеям. Однако он от этого постоянно отрекся и говорил, что сторонник исключительно демократических ценностей. Особенно задевал его по этому поводу генерал Марков. Вот и на этот раз он не удержался, увидев Романовского:

– Прямо, как по вашему заказу, Иван Павлович, – подмигнул он начальнику штаба.

Романовский хотел было что-то колкое ответить, но его опередил генерал Алексеев:

– Не вижу причин для насмешек, господа.

Все знали, что и руководитель армии в последнее время лоялен к монархизму и вроде бы даже создал монархический клуб, о котором открыто говорит Дроздовский. Это не нравилось командующему Деникину, потому что политические разногласия вносили идеологический раскол в ряды добровольцев. Ведь большинство офицеров оставалось верным идеям Февраля и Учредительного собрания, как он сам. И издевка Маркова, как понял Деникин, была адресована не столько Романовскому, сколько Алексееву. Михаил Васильевич в последнее время сильно сдал, плохо себя чувствовал. Стал по виду совсем старичком. Низеньким, согбенным, с еще больше заострившимся носом, со впалыми, печальными глазами.

Атаман Краснов начал сходу:

– Еще раз предлагаю совместное наступление добровольцев и моих донцов на Царицын. Он станет базой для дальнейшего продвижения на Среднее Поволжье.

Краснов, после долгих уговоров, все же решил присоединиться ко Второму походу добровольцев, действовать с ними сообща. Немалую роль в этом сыграл Алексеев, который через союзников сумел повлиять на своенравного атамана и фактически принудить его к совместному выступлению. Однако Петр Николаевич постоянно пытался демонстрировать свою независимость, гнуть личную линию.

– Нам, господа, возможно придется положиться на некоторую помощь Четвертого союза, – сказал он.

– Что? – К Краснову вплотную подошел генерал Богаевский. – Я вас правильно понял, вы предлагаете нам пойти на сделку с Германией?

– Правильно поняли, Африкан Петрович, – кивнул атаман. – Только не на сделку, а на временное соглашение. Мы не атакуем их, они нас. Более того германцы, несмотря на мир с большевиками, ударят по ним под Ростовом и придержат за узды украинских националистов, банды которых уже гуляют по всей Кубани.

– Это неприемлемо, Петр Николаевич, – тихо сказал Алексеев. – Никогда и ни при каких обстоятельствах Добровольческая армия не пойдет на сговор с заклятым врагом. Это даже не стоит и обсуждать. Мы собрались для того, чтобы утвердить план Второго похода, главной целью которого является взятия Екатеринодара. Доложите, Антон Иванович.

Краснов развел руками, изобразил на лице обиду, сел у окна напротив Васнецова, приготовился слушать командующего.

Деникин подтвердил, что наступление решено начать в середине июня. Северный Кавказ теперь важнее Поволжья. Первый удар будет нанесен по станции Торговой, через которую проходит железнодорожное сообщение Кавказа с Центральной Россией. Затем армия повернет на Тихорецкую и после захвата нескольких станиц, уже двинется на Екатеринодар. Тактика будет иной, нежели раньше – атаки редкими цепями, каждый взвод выполняет свою отдельную задачу. Управляемый, атакующий хаос. Мелкие укусы с разных сторон, а потом сокрушительный удар железным кулаком из нескольких офицерских полков.

– Теперь конкретно по взятию Торговой. Вам слово, господин Романовский.

Начальник штаба велел ординарцу повесить на стену несколько карт, взял в руку карандаш.

– Вот, господа, извольте видеть. В районе Азов- Куцевка-Сосыка находится армия Сорокина в 40 тысяч штыков при 90 орудиях и 2 бронепоездах. Командующий Калнин почему-то оказался в контрах с Москвой и практически ничем не руководит. Всем заправляет его помощник Сорокин. Итак, у железнодорожной линии Торговая-Тихорецкая порядка 30 тысяч красных из Железной пехотной бригады Жлобы и конной бригады Думенко. Общее число большевистских войск на Кубани не менее 100 тысяч человек. У нас, как вы знаете, 9 тысяч штыков и 21 орудие. Еще одну пушку, захваченную сегодня, чинят. Все наши полки будут сведены в дивизии. 1-ая генерала Маркова, 2-ая генерала Боровского, 3-ая полковника Дроздовского, 1-ая конная генерала Эрдели. Кубанская казачья бригада генерала Покровского и, разумеется, Донская армия атамана Краснова.

– Я уж думал про меня забыли, – ухмыльнулся атаман. – Как вы, господа, усиленно стараетесь не замечать созданного мною независимого государства- Всевеликого войска Донского.

Начальник штаба Романовский поморщился, как от зубной боли:

– Мы безусловно рассчитываем на вас, Петр Николаевич, если ваши отношения с Германией не зайдут слишком далеко.

– Что?! – подскочил со стула Краснов, опрокинув его на пол. – Я поддерживаю с немцами исключительно торговые отношения. И было бы глупо поступать иначе, когда в России нет ни правительства, ни порядка. Главная задача – выжить любой ценой. История нас рассудит. А немцам скоро все равно конец, союзники принудят их к капитуляции. К тому же у них тоже назревает революция. Так с издыхающей овцы, господа, сами знаете что...

– Я не хотел вас задеть, Петр Николаевич, – сказал с несвойственной учтивостью генерал Романовский. – Лишь намерен предупредить. Главное, чтоб о ваших контактах с германцами не узнали союзники, конфуз для всех нас может выйти очень неприятный. Будем выглядеть очень бледно. Позвольте продолжить?

Деникин кивнул.

– Итак, господа, тактика обманных маневров, предложенная командующим генералом Деникиным. Вы о ней уже знаете. Первой с юга начнет наступление на Торговую дивизия Боровского. Редкими цепями. Как только враг откроет огонь, левый фланг прекратит атаку, заляжет. Её продолжит правый фланг, привлекая к себе максимальное внимание. Поддержат орудия Богаевского. С востока выдвинется генерал Эрдели. Его конники на станцию врываться не станут, только пройдут по краю. То есть, Эрдели и Боровский оттянут на себя основные силы большевиков. И тогда с запада со всей сокрушительной силой ударит полковник Дроздовский. Красным не останется ничего другого, как спастись бегством на север. Здесь, у полустанка

Шаблиевка, их встретит генерал Марков и окончательно добьет картечью и ружейным огнем. Донцы атамана Краснова блокируют дорогу от Тихорецкой к Торговой, по которой большевики могут попытаться перебросить подкрепление. Если такового не будет, нанесет упредительный удар по северу станицы. Потом отойдет к захваченной уже нами станции Торговой.

Краснов поднялся, поправил фуражку, оббил синие галифе нагайкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.